УДК 130.2(477) ''1853/1920'':929.001

ЖИЗНЬ И ТВОРЧЕСТВО ДМИТРИЯ ОВСЯНИКО-КУЛИКОВСКОГО: ЖИЗНЬ РАДИ НАУКИ

Л.Г. ДАБЛО
(Мариупольский государственный университет)

Сквозь призму духовных жизненных ценностей исследователя анализируются основные этапы научной деятельности выдающегося украинского ученого Дмитрия Николаевича Овсянико-Куликовского. Уделено внимание его воспитанию и образованию в многонациональном окружении, детским и юношеским годам, повлиявшим на формирование особого мировосприятия, психологическим истокам становления личности исследователя, который объединил в сфере своей научной деятельности лингвистику, литературоведение, славистику, психологию, художественную критику, метафизику, общественную и издательскую деятельность, редакторскую работу. В хронологическом порядке представлены исследования в области индологии, филологии, психологии. Показана исключительная роль и научное влияние идей харьковского ученого Александра Афанасьевича Потебни на жизнь и творчество Овсянико-Куликовского. Акцентировано внимание на серьезном значении, которое исследователь – выдающаяся фигура в истории панславянского цивилизационного развития – придавал психологическим проблемам развития наций.

Ключевые слова: *научная деятельность, творчество, языкознание, санскрит, филология, ученый-исследователь, нация, национальность.*

Введение. Обновление украинского общества, достижение качественно нового состояния жизни людей невозможно без привлечения духовного и творческо-поискового опыта выдающихся личностей прошлого. Среди них Дмитрий Овсянико-Куликовский – выдающийся украинский языковед, санскритолог и востоковед, автор научных трудов по истории античной философии, сравнительному анализу языков, мифологии, исследованию психологии творчества и русскому литературному наследию. Сегодня изучение его личного творчества актуально – он стоял у истоков украинской культурологии, которая формировалась в русле европейской гуманитаристики конца XIX – начала XX вв.

Историография научной проблемы осмысления его жизненных ценностей и научного пути включает исследования А. Ветухова, А. Горнфельда, С. Ольденбурга, П. Сакулина, Н. Аникина, И. Илюхина, А. Ковалевского, Н. Бойко, А. Грушинина, П. Николаева, О. Козыра, Н. Чухима, Я. Голобородько, Л. Левчук, Н. Никитина, М. Гусельцева и др. На протяжении XX в. неоднократно издавались научные труды Д. Овсянико-Куликовского, биографические исследования и очерки. Особую ценность для нас представляет его автобиография «Воспоминания», написанная в последние два года жизни. В этой книге ученый тщательно анализировал главные события жизни, творческие поиски и достижения, личные и служебные взаимоотношения. По глубине раскрытия собственного внутреннего мира, широте знаний, интересов, впечатлений и устремлений, которые касались его творческого восхождения и самосовершенствования, книгу можно сравнить с научным трудом.

Цель этой работы – выявить уникальные духовно-ценностные составляющие творчества через анализ этапов жизненного пути Дмитрия Овсянико-Куликовского.

Основная часть. Родился Дмитрий Николаевич Овсянико-Куликовский 4 февраля (по старому стилю 23 января) 1853 г. в зажиточной и знатной семье на юге Украины – в Каховке Херсонской области. Украинский эстетик Л. Левчук обратил внимание на многонациональное окружение Овсянико-Куликовских: «Род будущего ученого объединял представителей нескольких национальностей: украинцев, русских, греков, поляков, турок. Такая своеобразная «смесь» привела к интересным последствиям, а именно – интерес Овсянико-Куликовского к языкам, традициям, обычаям всех тех национальностей, чья кровь текла в его жилах» [1, с. 52]. Он с детства увлекался своей родословной и прошлым своих именитых предков. Охотно и бережно собирал различные семейные документы, упорядочивал переписки и приветственные посвящения, официальные и государственные награды и грамоты, заинтересованно изучал и систематизировал семейный архив. Изучать было что. Его предки были потомками запорожских казаков. Их семья укоренилась в Таврии в XVIII в., когда прадед Дмитрий Куликовский после выхода в отставку приобрел на юге Малороссии «целую степь от Днепра до Перекопа». А дальше, получив крепостных крестьян в Курской губернии, заселил эти земли и стал богатым помещиком.

Династия Овсянико-Куликовских была чрезвычайно известной и влиятельной в Таврической и Херсонской губерниях, авторитет усиливали дружеские и брачные связи, вплоть до губернаторских

кругов. Приветливая и дружелюбная семья Овсянико-Куликовских была в почете, а с мнением отца будущего ученого – Николая Овсянико-Куликовского – считались даже представители краевой элиты. Дмитрий очень гордился родительскими заслугами: «Как общественный деятель, как землевладелец, как человек «видный», «с весом» и «статусом», мой отец был чрезвычайно популярным если не во всем Новороссийском крае, то, по крайней мере, в двух губерниях – Таврической и Херсонской» [2, с. 360].

Семья проживала главным образом в южных роскошных усадьбах – в Бехтерах и Каховке. Высокий уровень достатка и комфорта, удовлетворения потребностей, личной свободы и социальной защищенности позволял будущему ученому чувствовать себя уверенно и раскованно только в условиях духовной удовлетворенности, внутренней гармонии, психологической уравновешенности, не выдерживая какого-либо давления и принуждения. Первые знания он получил в родном доме с помощью персонального учителя – Адольфа Марсикани, который после защиты диссертации имел еще и профессию врача.

Талантливый педагог не слишком нагружал своего ученика, но его занятия были интересными, познавательными, ориентированными на развитие умственных способностей и самостоятельное мышление. Снисходительный, тактичный и добросовестный воспитатель планировал комплекс занятий таким образом, чтобы в них были подвижные игры и развлечения, творчество и упражнения. Очевидно, сознательно сформированный синергетический дуэт педагога и врача дал свой эффект, в подходе к воспитанию подсказал ученому необходимость учитывать физические и психические особенности и потребности реального ребенка, а не бездумно придерживаться стандартных программ или предписаний «канонического» учебно-воспитательного процесса.

При формировании личности пытливого и вдумчивого будущего ученого не последнюю роль сыграло, по нашему мнению, и то, что Марсикани достиг в тандеме «учитель-ученик» такой атмосферы, которая соответствует категории «педагогика сотрудничества». Особых ученических способностей в этот период будущий профессор не обнаружил, хотя охотно и много читал, иногда пробовал себя в создании «идеологических» произведений, как он их называл, с определенными историко-философскими трактовками разных этически-моральных и духовых проблем. Это указывало на необходимость перехода от домашних занятий к формализованному обучению, Дмитрий поступил сразу в третий класс Ришельевской гимназии в Одессе.

Тут ему повезло с талантливым преподавателем Леонидом Смолянским, в дальнейшем известный украиновед, один из руководителей одесской «Громады». Но пребывание в Одессе не было продолжительным; он учился всего один год (1874/1875), по семейным обстоятельствам вынужден был продолжить обучение в симферопольской гимназии. В это время привлекает внимание ряд интеллектуально-психологических особенностей формирования мировоззрения будущего исследователя; в частности, склонность к самоанализу, что воспринималось как нетипичный признак для подросткового периода, для молодого человека, окруженного изобилием, комфортом и всесторонней поддержкой близких и родных. На удивление, все эти блага не расслабили волю Дмитрия, а, наоборот, чистота помыслов, высота мечтаний и идеалов влекли его в мир культуры, знаний, древности, сакрального. Неординарность поведения и коммуникативных потребностей свидетельствовали о его выраженном интровертном типе психики: ему не надоедало уединение, он охотно довольствовался «обществом» книг и размышлениями.

Однако существовала проблема с широким общением: он неохотно знакомился, потому что считал, что у него это выходит неудачно, будто он оставляет невыгодное впечатление. Такая закрытость натуры была, прежде всего, связана с излишней застенчивостью, неумением справиться с волнением, которое заканчивалось растерянностью. Ему мешало самовнушение, что он неуклюж, не интересен в общении, а значит и не способен проявить свои интеллектуальные качества. Тайно он глубоко переживал проблему своей необщительности, скованности и неуверенности. К счастью, ему хватило самокритичности и решимости, чтобы поставить цель – преодолеть интровертность и надуманную неполноценность, внутреннюю замкнутость. В значительной мере они были последствиями недостающей среды ровесников или необходимой социализации в детские годы. С другой стороны, можно предположить, что именно под влиянием этих переживаний у него сформировалась личная система своеобразного самоконтроля, в которую входила исследовательская склонность и к литературному творчеству, и к собственному внутреннему миру. А это, в свою очередь, стало основой для формирования сознательной системы самоорганизации и самоанализа, возможности мобилизовать свои духовные силы и направить их на устранение собственных внутренних психологических недостатков.

Обратим внимание и на тот факт, что гимназист Дмитрий Овсянико-Куликовский именно в этот период не только определил свой гуманитарный ареал интересов, проявил склонность к изучению языкознания и литературы, выявлению их роли и значимости в обществе, но и обрел твердое намерение погрузиться в психологическое пространство человеческой души, «побродить» в лабиринтах ее очень чувствительной восприимчивости и эмпатии. Важно подчеркнуть, что нелегкая победа над несовершенством своего личного «Я» была осуществлена им не только для собственного душевного здоровья и удовольст-

вия, а главное, ради максимальной гармонизации взаимоотношений с близким окружением, для адаптации в объективных и непредсказуемых условиях социума, восприятия его законов, с которыми непременно связан жизненный сценарий или судьба каждого индивида.

Еще один момент его личностного становления заслуживает внимания. Он касается одной из психологических черт характера Д. Овсянико-Куликовского, которая проявилась, а, возможно, и «прислужилась» еще со студенческих лет. Мы обозначим ее как гибкость, толерантность, терпимость, дипломатичность в отношениях с малознакомым окружением. Тут дело не в дефиниции, а в сути и функциональной роли в жизненных ситуациях. Именно Дмитрий Николаевич признавал и вспоминал, откровенно называл это свойство своей натуры «существенной чертой поведения» в различных ситуациях, комментировал его «как линию взаимоотношений и общения», «не лишенную определенного психологического интереса». Показательной является и самокритичная вдумчивость, с помощью которой он объяснял, что способность налаживать взаимоотношения с разным по взглядам окружением «была не нарочитой...», подчеркнуто добавляя: «...но, приспосабливаясь, я не подстраивался» [2, с. 399–400]. То есть он дорожил своим достоинством и свободой мысли.

После окончания Симферопольской классической гимназии (1871) восемнадцатилетний Дмитрий Овсянико-Куликовский поступил в Петербургский университет, в котором учился всего два курса. Тяжело переболев тифом, по настоянию врачей он вернулся на юг – в Одессу. Здесь он завершил полный курс тогдашнего Новороссийского университета, получил высшее образование. В том же году на историко-филологическом факультете защитил кандидатскую диссертацию «О языке повести временных лет», получил степень кандидата филологических наук. В 1877 г. он на свои средства выехал для стажировки за границу и подготовки к работе на кафедре сравнительного языкознания и санскрита Новороссийского университета. До 1882 г. совершенствовался преимущественно в санскритологии, занимался текстом «Зенда-Авесты». Большую часть командировки молодой стажер провел в Париже, где работал с профессорами Х. Бенауло (классический санскрит), А. Бергень (Веды), И. Дормистер (Авеста, пехлеви). Изучал также древнеперсидский, новоперсидский и древнееврейский языки.

Вернувшись в 1882 г. в Россию, он защитил в Московском университете работу «Разбор мифа о Соколе, принесшем цветок Сомы» – небольшой этюд о сокровищнице ведийской мифологии. И сразу был избран приват-доцентом историко-филологического факультета Новороссийского университета; читал лекции по курсам санскрита, сравнительной грамматике санскрита и древнеиранских языков. В 1884 г. в Харьковском Императорском университете Д. Овсянико-Куликовский защитил магистерскую диссертацию «Опыт изучения вакхических культов индоевропейской древности в связи с ролью экстаза на ранних ступенях развития общественности» (1885), сдал экзамен на звание магистра сравнительного языкознания и санскрита.

Творчество Д. Овсянико-Куликовского детально проанализировал украинский культуролог Я. Голобородько в работе «В ореоле интеллектуальности». Он отметил, что ученый «был честолюбивым человеком в конструктивном смысле этого слова и никогда не скрывал этого. Он был представителем аристократического рода, гордой династии, и это обязывало его быть достойным своей благородной фамилии» [3, с. 13]. Ученый-исследователь и мыслитель Д.Овсянико-Куликовский «начинается» с честного самоанализа особенностей и недостатков для определения путей к совершенству и самоутверждению. Добавим, что жизненным кредо еще студента-старшекурсника, эрудита Д. Овсянико-Куликовского, был тезис: наука на всю жизнь и всю жизнь для науки. В этом тезисе сфокусирована сущность его профессиональной деятельности.

Увлеченность наукой не помешала ему участвовать в общественно-политической жизни большого города. В Одессе он наладил связи с активистами украинского национального движения и даже стал членом одесской краевой организации «Громада». Здесь встретился с Михаилом Драгомановым – убежденным пропагандистом идеи автономии Украины. Молодого ученого Дмитрия Овсянико-Куликовского захватили смелые взгляды и культурно-просветительские идеи последовательного народника-демократа. Их отношения переросли в дружбу, которая связала двух исполинов мысли. По данным Я. Голобородько, о Михаиле Драгоманове ученый писал: «Я стал его горячим поклонником и сторонником...». И это была правда, потому что Драгоманов пробудил у него неподдельный интерес к общественной жизни и национальным проблем народа, которыми Д.Овсянико-Куликовский заинтересовался так же внимательно, как культурой и историей Украины. Я. Голобородько отметил, что «украинофильство ученый понимал как тактику конкретных действий ради повышения уровня украинской жизни и содействия украинской культуре, искусству, духовности» [3, с. 17].

Отметим и тот факт, что и в Петербурге Д. Овсянико-Куликовский был знаком с общественным деятелем социалистом В. Марковичем (сыном Марко Вовчок (настоящее имя Мария Александровна Вилинская), а заграницей общество ему составляли Г. Лопатин (Париж), Н. Морозов (Париж), Н. Зибер (Берн), П. Лавров (Париж), Н. Чайковский и другие поборники прогрессивных идей свободы и демокра-

тии. Именно в этот период были опубликованы политические труды Д. Овсянико-Куликовского «Записки южно-русского социалиста» и «Культурные пионеры». Однако он никогда больше не возвращался к политическим темам, поскольку наука была для него превыше всего. А этот политико-публицистический дебют в нелегальном издании вызвал резонанс в эмигрантских кругах, позицию автора критиковали за либеральность.

После защиты магистерской работы в 1884 г. журнал «Русское богатство» напечатал статью «Зачатки философского сознания у индусов», а в 1885 г. в Вестнике «Записки Новороссийского университета» появилась статья «О «быке» в религиозных представлениях Востока». Подчеркнем, что 1880-е годы были чрезвычайно насыщенными для Д. Овсянико-Куликовского. Он плодотворно работал, писал, печатался, защищал статус ученого. В 1887 г. вышел его труд по индологическим исследованиям «К истории культа огня у индусов в эпоху Вед» (в Вестнике «Записки Новороссийского университета» и отдельным изданием на 120 страницах). Эта работа стала докторской диссертацией, которую он защитил в том же году в Новороссийском университете (Одесса) и получил научную степень доктора. Поражает темп карьерного роста: за пять лет 3 квалификационные защиты. Я. Голобородько отметил: «Таких темпов научного роста можно достичь лишь при условии синтеза одаренности и вдохновения, в основе которых находится любовь – любовь к тому делу, которое выполняешь, к своему имени, роду, что стоит того, чтобы их утверждать новыми династическими успехами» [3, с. 19].

Чрезвычайно ответственное отношение Овсянико-Куликовского к самому понятию «истинный ученый» было связано, прежде всего, с постоянным интеллектуальным обогащением претендента на это высокое звание, а также со стабильным поиском новых проблем и объектов исследования, с глубокими научными изысканиями и разработками. Он отстаивал мнение, что высокого звания ученого заслуживает лишь тот, кто стабильно подтверждает свою профессиональную состоятельность, инициативу и квалификацию. Как объективный ценитель эффективной научной деятельности, он высоко ставил понятие «индекс научной стабильности», позволяющий иметь заслуженную популярность благодаря цитированию, ссылкам и критике, звучанию идей ученого в полемических дискуссиях и научных дебатах. Показательно, что на протяжении дальнейшей самореализации научный рейтинг самого Д. Овсянико-Куликовского неуклонно рос, достигая заслуженной славы в научных кругах на родине и за ее пределами. Так, парижский журнал Revue de L'histoire des religions напечатал (1889) отрывок из докторской диссертации «Les trois feux sacres du Rig-Veda», в 1889 и 1890 годах были опубликованы две статьи в журнале «Вопросы философии и психологии» под заглавием «Очерки из истории мысли». В 1892 и 1893 годах изданы два раздела «Ведийских этюдов»: «Индра-висвакаршани» и «Сыны Адити». Отметим, что «Ригведа» была не просто эпизодом в исследовании проблем востоковедения или уникальным памятником древней культуры, а закодированным текстом, мощным психологическим источником для творческого вдохновения учёного.

Памяти своего учителя Д. Овсянико-Куликовский посвятил статью «Потебня как языковед-мыслитель». В этом же 1893 г. его теоретическое исследование «Язык и искусство» появилось в «Северном вестнике», затем вышло отдельное издание в Санкт-Петербурге. В этой книге автор разработал теоретическую базу взаимосвязи лингвистики и художественного творчества, обосновал причастность языка к созданию художественных форм и образов. Здесь проявилось научное влияние Александра Афанасьевича Потебни, который еще в своей первой работе «Слово и мысль» (1852) высказал идею взаимосвязи между словом и искусством. Исследователь О. Полищук отметила сущность этой идеи: «Символизм языка, – писал А. Потебня, – наверное, может быть назван его поэтичностью; наоборот, забвение внутренней формы кажется нам прозаичностью слова. Если это сравнение верно, то вопрос об изменении внутренней формы слова оказывается тождественным вопросу отношения языка к поэзии и прозе, то есть к литературной форме вообще. Поэзия является одним из искусств, поэтому связь ее со словом должна указывать на общие стороны языка и искусства» [4, с. 145].

Еще после получения докторской степени Д. Овсянико-Куликовский был назначен экстраординарным профессором Казанского университета, а в 1888 г. ему предоставили место ординарного профессора в одном из самых престижных учебных заведений – Харьковском университете. В 34 года он стал доктором индоиранской филологии, должность профессора открывала перед ним широкие научные перспективы, особенно с учетом того, что он уже определился относительно направлений научной деятельности: лингвистика, сравнительное языкознание, санскритология. Казалось бы, можно уверенно двигаться в выбранном направлении. Но не таким был темперамент молодого профессора. Его «научный азарт» попал в поле зрения гениального Александа Потебни – авторитетного и заслуженного мэтра, которого пораженный педант Д. Овсянико-Куликовский в своей работе назвал «лингвистом-мыслителем».

Посещая лекции Потебни, Овсянико-Куликовский заинтересовался вопросами социально-психологической наполненности художественной литературы, практически нераскрытых в литературоведении психологических аспектов этих проблем. Погрузившись в новую творческую стихию, он работал на-

стойчиво и системно, с энтузиазмом и вдохновением. Практически каждый год публиковал труды, в которых через призму объективной взаимосвязи общественно-исторических особенностей эпохи и тогдашней тематики художественной литературы исследовал творчество многих выдающихся писателей царской России. Он чрезвычайно высоко ценил идеи А. Потебни по философии и психологии сознательной речи как человеческого феномена и его материализованной формы – письма, а, следовательно, и литературы. Особое значение придавал трудам «Мысль и язык», «Из записок по российской грамматике», считая их ориентиром для проникновения в тайны взаимных переплетений и обоюдных воздействий процессов рождения мысли и ее письменного оформления.

Научное наследие Д. Овсянико-Куликовского конца XIX – начала XX вв. убеждает, что именно под влиянием идей А. Потебни у него возникло стремление рассматривать любое явление языка и литературы в плане раскрытия его психологического наполнения и происхождения. Этим объясняем решение провести масштабное исследование целого ряда литературных произведений XIX в. выдающихся русских писателей. Особенность методологического подхода Д. Овсянико-Куликовского заключалась в масштабности: он держал в исследовательском поле зрения не только авторское правдивое отражение событий и персонажей на фоне общей панорамы общественной жизни, исторических процессов данной эпохи, но и предвидел будущую читательскую аудиторию, ее возможную реакцию, отзывы, специфику восприятия. В течение 1890-х годов появился цикл работ Д. Овсянико-Куликовского, в которых он, с одной стороны, пытался раскрыть «ученые вопросы», то есть общечеловеческие проблемы, освещаемые через жизненные коллизии героев писателем, а с другой, – выяснить мировоззрение самого писателя как активного субъекта культуры своей эпохи.

В 1896 г. были напечатаны «Этюды» о творчестве И. Тургенева – первая работа с апробированной методологией литературоведа-психолога, который в критически-исследовательском очерке освещает проблемы тогдашней России, а в образе Базарова символично обнажает проблему отсутствия гармонии между креативной личностью и общественным равнодушием. Вскоре появляются аналогичные по идейной направленности монографии, в которых Д. Овсянико-Куликовский проанализировал творчество «Гоголя», «Толстого как художника» (1899). Затем были изданы работы «Лермонтов», «Грибоедов», «Этюды о творчестве Чехова», «Достоевский», в таком же ракурсе рассмотрено творчество И. Гончарова, В. Короленко, Н. Горького и других писателей.

Книги имели большой резонанс. В адрес исследователя поступило немало острой и снисходительной, предметной и аморфной, справедливой и несправедливой критики, в частности, относительно его индивидуализма, а также по поводу якобы отсутствия самих представлений о стиле и жанре отобранных для исследования литературных объектов. Подчеркнем, что за период с 1907 по 1911 г. было собрано девятитомное издание литературно-психологических исследований Д. Овсянико-Куликовского, а в 1912-1914 вышло в свет второе издание, при чем некоторые тома выдержали пять изданий. Кратко представим эту серию: том I – М. Гоголь; т. II – И. Тургенев; т. III – Л. Толстой; т. IV – А. Пушкин; т. V – А. Герцен, В. Белинский, Н. Добролюбов, В. Короленко, А. Чехов, М. Горький; т. VI – Статьи по теории поэзии и психологии творчества, о религии индусов и т.п. Тома VII – IX – История Российской интеллигенции (три части).

В своей научной деятельности Д. Овсянико-Куликовский эволюционировал от языкознания к литературоведению, а затем к проблемам истории, культуры и даже психологии художественного творчества. В 1905 г. ученого пригласили в Петербургский университет, в 1907 – избрали почетным академиком Санкт-Петербургской академии наук за выдающиеся достижения в области филологии и весомый вклад в развитие литературоведения.

Первое десятилетие XX в. было наиболее интенсивным и напряженным. На жизненном пути Д. Овсянико-Куликовского начался новый этап мощной многовекторной деятельности – преподавательской. Он читал в университете курс сравнительного синтаксиса индоевропейских языков, но на его лекции собирались студенты из других университетов, аудитории не могли вместить всех желающих, приходилось использовать актовый зал. Популярность его росла, появлялись все новые и новые обязанности и направления деятельности. Он читал лекции в обществе распространения образования; занимался редакторской деятельностью – редактировал популярный в России «Вестник Европы», в который привлек М. Горького, поддержав его таким образом в чрезвычайно трудное время. Выдающий лингвист участвовал в работе I съезда преподавателей русского языка и литературы, даже выступил на публичных вечерах памяти Л. Толстого и Т. Шевченко.

Много внимания ученый уделял исследованию психологических проблем развития наций. Учитывая вероятность возможных межэтнических конфликтов, на первое место он ставил миротворческую миссию, толерантность этнических общин и целых народов, а также уважение к национальным меньшинствам и народностям. Научные интересы и энергия общественно-просветительской деятельности Д. Овсянико-Куликовского не исчерпались, но на пути реализации его идей и планов встали война, рево-

люционные потрясения 1905–1917 гг., радикальные изменения и трагические потери, разрушения, перевороты, общественные драмы и личные трагедии. Лишенный возможности вернуться после летнего отдыха на юге к своему привычному делу, Овсянико-Куликовский начал работать над книгой воспоминаний. В апреле 1920 г. в условиях послереволюционного хаоса и всестороннего спада он получил предложение возглавить кафедру русской филологии Одесского университета, однако уже летом этого года его тяжело заболел, 10 октября 1920 г. Д.Овсянико-Куликовского не стало.

Заключение. Осмысление этапов творческого пути и духовных ценностей выдающегося ученого позволяет утверждать, что Дмитрий Овсянико-Куликовский личным примером доказал: человек многого способен достичь, когда есть цель и возможность сконцентрировать на ней свои усилия. Будучи одаренной личностью, Дмитрий Николаевич посвятил свою жизнь великой идее и великому делу – служению культуре и духовности. Он стал выдающейся фигурой в истории панславянского цивилизационного развития, соединив в своей научной сфере деятельности лингвистику, литературоведение, славистику, психологию, художественную критику, метафизику, общественную и издательскую деятельность, редакторскую работу. Благодаря энциклопедическим знаниям стал академиком, к заслугам которого относятся акцентирование национальных проблем и отстаивание права каждого этнического образования на достойную свободную жизнь в кругу равноправных, толерантных наций и народов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Левчук, Л.Т. Теоретичний потенціал міжнаукового підходу / Л.Т. Левчук // Гуманітарний часопис. – 2015. – № 2. – С. 5–11
2. Овсянико-Куликовский, Д.Н. Литературно-критические работы : в 2 т. / Д.Н. Овсянико-Куликовский ; сост., примеч., подгот. текста И. Михайлова. – М. : Художеств. лит., 1989. – Т. 1 : Статьи по теории литературы. Гоголь. Пушкин. Тургенев. Чехов. – 541 с.
3. Голобородько, Я.Ю. Аристократ філологічної думки: 4 грудня – 150 років від дня народження Дмитра Овсянико-Куликовського / Я.Ю. Голобородько // Вісн. НАН України. – 2003. – № 1. – С. 47–54.
4. Поліщук, О.П. Інтуїція: природа, сутність, евристичний потенціал : моногр. / О.П. Поліщук. – Київ : Парапан, 2010. – 228 с.

Поступила 03.05.2017

“LIFE FOR THE SAKE OF SCIENCE” (BASED ON D. OVSIANIKO-KULIKOVSKI’S LIFE AND CREATIVITY)

L. DABLO

The article aims to thoroughly analyze the life and the main stages of research activities of D. Ovsianiko-Kulikovski, an outstanding Ukrainian scientist. Special attention is paid to his multinational origin as well as to his childhood and adolescence that influenced formation of his views and his formation as a scientist. The author characterizes the range of his scientific interests and chronologically shows research thereof in such fields as Indology, philology and psychology. The article also highlights the scientist’s main works and shows the exclusive role played by A. Potebnia, a scientist from Kharkov, in D. Ovsianiko-Kulikovski’s life and creativity. The author accentuates the research of psychological issues of nations’ development as well as the fact that the scientist considered national issues to be very important. The article has proved that he became an outstanding figure in the history of Pan-Slavic civilizational development.

Keywords: *scientific activities, creativity, linguistics, Sanskrit, philology, researcher, nation, nationality.*